

Юлия Беринг

ИГРУШКА
ЖЕСТОКОГО НАСЛЕДНИКА.
ТЫ УДАЛИЛ МОЙ КОД
И НАЗВАЛ МЕНЯ ВОРОВКОЙ!

Юлия Беринг

**Игрушка жестокого
наследника. Ты удалил мой
код и называл меня воровкой!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Игрушка жестокого наследника. Ты удалил мой код и назвал меня воровкой! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Я поступила в элитную IT-академию, чтобы стать программистом. Но в первый же день случайно разбила дорогой дрон Марка — жестокого сына ректора. — Починишь его, Алиса. Или вылетишь отсюда без стипендии! Я неделями работала без сна и создала идеальный код. А потом Марк нажал одну клавишу. И удалил весь мой проект! — Плагиат, провинциалка. Докажи, что написала сама! Меня объявили воровкой, лишили доступа к серверам и попытались уничтожить моё будущее. Но я нашла тайный архив. Его отец годами присваивал чужие разработки. А идея знаменитого дрона принадлежала моей погибшей матери! Теперь я собираюсь разоблачить их всех. Даже если жестокий наследник разобьёт мне сердце.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юлия Беринг

Игрушка жестокого наследника. Ты удалил мой код и назвал меня воровкой!

Глава 1

К стойке регистрации меня не пускали чужие рюкзаки. Из-за одного торчал стакан кофе; хозяин придерживал его бережнее, чем я свой ноутбук. Я вцепилась в ляжку и встала на носки: где тут очередь для стипендиатов? Мне девятнадцать. Я приехала учиться, а не мериться ценой завтрака с этими людьми. Найти фамилию в списке, забрать пропуск — и можно будет выдохнуть. Я даже приготовила, что скажу сотруднице: «Ветрова Алиса, бюджет». Только бы не заставили повторять при всех.

За спиной кто-то обсуждал парковку: машину опять придется оставлять через дорогу. Мне бы такую беду. Мой чемодан после электрички скрипел на каждом шаге; у входа я подняла его, лишь бы не слушать этот звук здесь, под гладкими потолками «Нейро-Теха».

Толпа первокурсников гудела, как растревоженный улей. Кто-то толкнул меня локтем в бок — резко, небрежно, даже не извинившись. Я пошатнулась, теряя равновесие. Впереди маячила стойка регистрации, спасительная и такая близкая, но поток людей давил на меня со всех сторон, превращая мою осторожность в комичную попытку протиснуться сквозь стену мышц и брендовых курток.

Я сделала шаг влево, чтобы избежать столкновения с парнем в очках, и мой носок зацепил ножку демонстрационного стенда.

Стенд качнулся, а я зачем-то продолжала смотреть на ножку. Надо было ухватить столешницу. Подставить ладонь. Серебристый дрон уже скользил к краю — прототип с факультетского сайта, похожий на хищную птицу. Я потянулась слишком поздно.

Он упал.

Звук разбивающегося стекла и пластика был оглушительно громким для моего слуха, хотя вокруг все еще шумели разговоры. Осколки разлетелись веером, сверкнув в искусственном свете люстр. Дрон лежал на полу, его крылья были вывернуты под неестественными углами, а из расколотого корпуса торчала плата.

Только не наступить на плату. Эта мысль почему-то пришла первой. Потом я увидела вывернутое крыло и поняла, что целого устройства уже нет. Футболка прилипла между лопаток. Я держала ладони перед собой, как будто всё еще могла его поймать. Пропуск я даже получить не успела. Сейчас попросят фамилию, стоимость ремонта — а у меня на карте деньги до следующей стипендии.

— Ты видела? — голос был тихим, но резким, как скальпель.

Передо мной вырос Марк. Капитан киберспортивной команды, сын ректора и человек, которого боялись больше, чем преподавателей. Он посмотрел на осколки дрона, потом на меня. Глаза — цвета мокрого асфальта. В них не было злости. Было что-то хуже — презрительное любопытство, как у энтомолога, рассматривающего раздавленного жука.

Я подняла руку, собираясь показать, где меня толкнули. Никто не смотрел в ту сторону. Хотелось убежать, но я стояла, прижатая толпой. Марк сделал шаг вперед и схватил меня за запястье. Его пальцы были холодными и сильными. Он остановил мои попытки дернуться.

— Отпусти меня, урод! — шипела я сквозь зубы, чувствуя, как стыд смешивается с яростью.

Марк усмехнулся уголком губ, не ослабляя хватки.

— Громче, — сказал он. — Пусть все слышат, какая ты смелая, когда ломаешь проект стоимостью в годовую стипендию нескольких семей вроде твоей.

От его слов меня передернуло. Цена. Именно это слово било сильнее всего. Отец не зарабатывал бы на такой дрон и за несколько лет. Я представила, как он снова берется за лишнюю работу, чтобы оплатить мой долг. И теперь я была должна. Должна не деньгами, которых у меня нет, а собой.

Шум вокруг нас начал стихать. Люди сбивались в полукруг, доставая телефоны. Щелкали затворы камер. Я чувствовала на себе десятки взглядов, оценивающих, жалостливых, злорадных. И тут из толпы вышла она.

Кира. Идеальная дочь главного спонсора академии. Безупречная укладка, улыбка, которая не достигала глаз. Она подошла к нам, изящно переступая через осколки, и положила руку на плечо Марку, словно они были давними друзьями, а я — помеха на их пути.

— Марк, это ужасно, — произнесла она сладким, как мед, голосом, но обращалась она не ко мне. Она повернулась к появившемуся из бокового коридора ректору. — Игорь Семенович, эта девушка специально толкнула стол. Я видела. Она хотела сорвать презентацию вашего сына. У нее такие... странные глаза. Ненависть прямо читается.

Ректор, высокий мужчина в дорогом костюме, посмотрел на Киру с легким недоумением, затем на Марка, который хмуро молчал, и наконец — на меня. Его взгляд был тяжелым и бюрократическим.

— Алиса Ветрова? — спросил он, сверяясь с планшетом.

— Да, — мой голос сорвался. Я открыла рот, чтобы сказать правду. Что это случайность. Что я никого не ненавидела. Но слова застряли в горле комком. Против имени Киры и статуса Марка моя правда ничего не весила. Здесь решали не факты, а связи.

— Восстановление функционала устройства, — сухо произнес ректор, игнорируя мое молчание. — Под строгим контролем капитана команды разработки. Срок — до конца семестра. Если устройство не заработает, или если ты покажешь несостоятельность в работе... ты отчислена. Без права возврата стипендиальных средств и с пятном в личном деле. Согласна?

Он ждал ответа и уже держал палец над планшетом. Хотелось спросить, где в этом договоре мои занятия, экзамены, сон. А еще — кто видел толчок. Но я представляла обратную электричку и отца у дверей: приехала, пап, только поступить оказалось мало. Я бы не вынесла его молчания. Пусть лаборатория. Пусть Марк. Я научусь чинить эту проклятую птицу.

Я посмотрела на свои дрожащие руки. На осколки пластика. На лицо Марка, которое выражало скуку.

— Согласна, — прошептала я.

Согласие вышло почти без звука. Я даже испугалась, что он не услышал и придется сказать еще раз. Ректор кивнул. С ним ушел последний человек, которому здесь можно было пожаловаться на Марка, — и я проводила его взглядом до двери, хотя он ни разу не обернулся.

Сотрудница регистрации наклонилась за стойку и забрала мой чемодан: «Получишь после практикума, Ветрова». Я успела кивнуть. Хотя бы вещи не останутся среди осколков.

Марк оттолкнул мою руку и отпустил запястье. Я отступила, едва не наступив на осколок. Он не посмотрел на меня. Просто развернулся и пошел к лифтам.

— Идем, должница, — бросил он через плечо.

Я пошла за ним. На запястье еще краснели следы, и я спрятала его под лямку рюкзака. В лифте не нашлось ни одного места, откуда я не видела бы Марка: хромированные стены отражали нас обоих. Я смотрела на номера этажей, а сама замечала, как близко он стоит. Пахло табаком и сандалом. Хотелось отойти еще на шаг; стенка уже упиралась в рюкзак.

Двери открылись на нижнем уровне. Лаборатория робототехники. Здесь было холодно. Кондиционеры работали на полную мощность, поддерживая температуру для оборудования.

Марк снял свою куртку. Тяжелую, черную, с нашитыми патчами команд. Он швырнул ее мне прямо в грудь. Я инстинктивно поймала ткань, зарывшись лицом в воротник. Запах ударил в нос: сигареты, мужской дезодорант и резкий запах озона.

— Надень, — приказал он, подходя к терминалу управления. — Ты будешь работать в холоде, пока не научишься уважать чужое имущество. Или пока не замерзнешь до смерти. Мне все равно.

Ладони утонули в рукавах. Пришлось завернуть их дважды, иначе я не смогла бы печатать. Чужая куртка согревала, и это злило сильнее его приказа: даже за тепло теперь следовало благодарить Марка? Я расправила воротник. Ничего. Долг — за дрон. За куртку должницей не стану.

Марк включил главный монитор. Экран засветился голубым светом, отражаясь в его глазах.

— Подключайся, — сказал он, не оборачиваясь. — Код закрыт. Система требует административного ключа для доступа к исходникам поврежденного модуля. У тебя его нет.

— Где я возьму ключ? — спросила я, подходя к консоли.

Марк обернулся. Он стоял очень близко. Слишком близко. Я чувствовала тепло его тела даже сквозь его куртку. Он навис надо мной, и его тень легла на клавиатуру.

— Ключа нет, — тихо произнес он, глядя мне прямо в душу. — Есть только твои пальцы и моя воля.

Мое сердце пропустило удар. Я резко обернулась, пытаясь отстраниться, но наши лица оказались почти в сантиметре друг от друга. Я могла видеть поры на его коже, блеск в глубине зрачков.

Я посмотрела на закрытый каталог исходников. Мне велели восстановить устройство — и сразу отрезали доступ к тому, без чего его не восстановить. Проверка? Или им нужен человек, на которого можно списать провал?

Марк следил за мной, будто ждал, когда я попрошу пощады. Не дождется. Я придвинула клавиатуру. Если здесь есть вход, я его найду. И узнаю, зачем сыну ректора понадобилась именно я.

На экране монитора мигнул красный курсор, ожидая ввода пароля. В отражении черного стекла я увидела не свое испуганное лицо, а глаза Марка. Они смотрели на меня не с ненавистью, а с голодным, собственническим интересом. Хищника, который уже выбрал жертву, но хочет, чтобы та бежала подольше.

И тогда я поняла: отчисление было бы милосердием.

Глава 2

Через две недели после разбитого дрона я принесла черновик кода, когда мои пальцы уже ооченели от холода лаборатории №4. Здесь всегда пахло озоном, перегретым металлом и чьим-то дорогим парфюмом — запахом власти, который не выветривается даже после проветривания. Марк сидел в своем кресле, крутя в руках стилус, и даже не поднял глаз на монитор. Он смотрел на мои ноги. На грязные кроссовки, купленные на распродаже в три раза дешевле его завтрака.

— Вытри их, — бросил он сухо.

— Что? — я замерла, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

— Халат висит за дверью. Надень. И приведи себя в порядок. Ты выглядишь как бомж из пригорода, а это портит эстетическую составляющую моего проекта. «Чумазая» не должна касаться прототипа стоимостью в полмиллиона.

Я опустила взгляд на кроссовки. На подошве засохла грязь с дорожки к общежитию; в коде от нее ни одной ошибки не прибавилось. Сказать это вслух хотелось ужасно. Вместо ответа я стянула с крючка халат и надела поверх одежды. Пуговица у груди всё время выскакивала из растянутой петли. Пока я возилась с ней, Марк успел отвернуться. Код наконец удостоился внимания — стоило накрыть меня белой тряпкой.

— Код есть?

— Да. Модуль навигации работает на пятнадцать процентов быстрее предыдущей версии.

Он молча начал печатать. Через минуту на экране всплыло красное окно: «Syntax Error».

— Перепиши, — сказал он, откидываясь назад. — И не трогай клавиатуру грязными руками.

В перерыве, когда я побежала в туалет смыть с лица остатки унижения, Кира ждала меня у кулера. Она стояла, изящно поправляя локон, и улыбалась той самой улыбкой, от которой у меня сводило живот.

— Алиса! Как же ты себя загнала? Бедняжка.

Она «случайно» задела мой локоть, и стаканчик с горячим кофе опрокинулся прямо на мою сумку, где лежал ноутбук с резервной копией. Кофе растекся по ткани и просочился к краю крышки ноутбука.

— Ой, прости! — Кира схватила салфетки, но её шепот, скользнувший мне в ухо, был холодным, как лезвие. — Ректор любит аккуратных девочек. А ты пахнешь дешевым мылом и неудачей. Тебе лучше уйти, пока тебя совсем не вышвырнули.

Кира протерла стол. Стол, не сумку. В пачке еще оставались сухие салфетки, и я почти попросила дать их мне — почти. Потом выхватила свою сумку из лужи. Крышка ноутбука уже липла к пальцам. Хотелось донести его до лаборатории, разобрать, спасти хотя бы диск. Кира продолжала улыбаться за спиной; я так и не сказала ей ничего, чем она могла бы развлечь подруг.

Вернувшись в лабораторию, я увидела, что ноутбук, вынутый из сумки, залит. Экран мигнул и погас. Паника подступила к горлу комком. Я пересела за лабораторный терминал. Руки дрожали так сильно, что я не могла попасть курсором в поле входа. Данные были в облаке, но сервер академии... Сервер блокировал попытки входа каждые пятнадцать минут. Саботаж? Или просто баг системы безопасности для «чумазных»?

Марк наблюдал за мной со своего дивана. Он не спал. Его глаза блестели в полумраке, как у хищника, который видит, как жертва запутывается в собственных сетях. Ему нравилось это зрелище.

Когда я снова попыталась войти в систему и получила ошибку доступа, он подошел ближе. Слишком близко. Я почувствовала запах его табака и ментоловой жвачки. Он перехва-

тил мою руку, тянущуюся к мышке, и сжал пальцы. Боль была острой, но я не вскрикнула. Он заставил меня поднять голову и смотреть ему в глаза.

— Если ты не можешь писать код без трясущихся рук, уходи, — произнес он тихо, почти ласково. В этой тишине было больше презрения, чем в любом крике. — Я найду кого-то, кто не будет плакать над каждой ошибкой.

«Найди», — собиралась я сказать. Пусть ищет программиста, который починит разбитый прототип под его диктовку. И платить пусть не забудет. Но тут же представила пустое поле напротив своей фамилии в списке на стипендию. Прикусила щеку; во рту стало солоно. Высвободила кисть и положила на клавиатуру. Мизинец не слушался. Первую скобку я набрала со второго раза — специально медленно, чтобы Марк не получил удовольствия от еще одной ошибки.

Ночь затянулась, превращаясь в бесконечный лабиринт ошибок и таймаутов. Я потеряла счет времени. Мои глаза горели, шея ныла. Каждые пятнадцать минут я тратила драгоценные минуты на борьбу с призраками системы, перезагружая роутеры, меняя порты, молясь богу программистов. Марк лег на диван и закрыл глаза. Спит или слушает каждое мое движение? Я оглядывалась на него после любого щелчка. Я была одна в этом холодном, стерильном аду.

Утром, когда солнце едва пробилось сквозь жалюзи, я вышла в коридор за водой. Голова гудела, тело требовало сна. У окна, прислонившись спиной к подоконнику, стоял Тимофей. Он не смотрел на меня, листая какую-то старую книгу, но его присутствие ощущалось как тихий щелчок замка.

— Ты выглядишь ужасно, — сказал он, не отрывая взгляда от страниц.

— Спасибо, — прохрипела я.

Он молча положил на подоконник маленькую флешку, серебряную, с царапинами.

— Попробуй обход через локальный порт. Они следят за внешним трафиком. Сервер академии имеет дыру в защите, если использовать локальный маршрут к архивному узлу. Центральный журнал этот маршрут не пишет.

Я подцепила флешку с подоконника ногтем. Серебряный корпус поцарапан, никаких командных логотипов. Тимофей не спросил, как я ему отплачу, и это насторожило больше всего. За две недели здесь я отвыкла от бесплатной помощи. Он уже снова читал книгу. Я постояла рядом, ожидая условий. Не дождалась — и спрятала накопитель в ладони.

Я вернулась в лабораторию, подключила флешку и выполнила его инструкцию. Экран засиял зеленым. Доступ получен. Я работала быстрее ветра, компенсируя потерянные часы. К моменту, когда Марк проснулся и потянулся, моя работа была готова. Идеальный модуль навигации. Чистый код. Красивая структура.

Дедлайн наступил ровно в полдень. Я представила финальную версию. Марк запустил симуляцию. Виртуальный дрон взлетел, сделал сложный маневр, вернулся на базу. Все работало идеально.

Виртуальная птица села точно в центр площадки. Я смотрела на нее, не моргая: вдруг последний тест еще выдаст ошибку? Но счетчик остановился. Хотелось ткнуть Марка носом в результат, как кота: вот, смотри. Грязные кроссовки, дешевый халат — а твой дрон вернулся на базу. Я позволила себе улыбнуться, совсем чуть-чуть.

Марк посмотрел на экран. Потом на меня. Его лицо не выражало ничего. Ни удовлетворения, ни удивления. Только пустоту.

Он открыл консоль командной строки. Пальцы забарабанили по клавиатуре. Одна команда. **rm -rf /projects/alice_v1**.

Команда отработала за секунду. Каталог исчез. Моя неделя ада, бессонные ночи, слезы — он стер все, даже не переспросив.

— Почему?! — сорвалось с моих губ. Голос дрогнул, стал визгливым.

Марк повернулся ко мне, и впервые за две недели на его лице появилась улыбка. Она была холодной, расчетливой и страшной. Страшнее любого крика.

— Это было слишком чисто, Алиса, — произнес он мягко. — Ты скопировала структуру из старых архивов. Я знаю этот стиль. Архитектура ветвления функций, комментарии в конце строк, специфические переменные. Это почерк того парня, которого выгнали пять лет назад. Дмитрия Орлова.

Кровь отлила от лица. Мир пошатнулся.

— Ты... ты украла его работу, — продолжил он, глядя мне прямо в душу. — Интеллектуальная собственность. Плагиат. Статья отчисления.

— Нет! — закричала я. — Я сама написала! Я использовала только базовые принципы!

— Доказательства? — он поднял бровь. — У тебя нет истории коммитов, потому что она хранилась в этом же каталоге. Ты оставила следы кражи, но не оставила следов своей работы. Умно. Очень умно. Для провинциальной девочки.

Сам удалил историю и теперь требовал доказательств. Я смотрела на его пальцы — на те, что только что набрали команду. Он даже не убрал их с клавиатуры. Если закричать еще раз, услышат в коридоре. Но услышат меня, не услышат команду. У него будет тихое объяснение для ректора; у меня — сорванный голос и пустой каталог.

Марк положил руку мне на плечо. Тяжелую, уверенную, собственническую. Он включил громкую связь с кабинетом ректора.

— Отец, — сказал он ровным тоном. — Она справляется. Оставляю её на испытательный срок. Если сорвётся — отчислим по статье о плагиате. Пусть знает цену своему «таланту».

Голос ректора ответил сухим согласем. Связь оборвалась.

После звонка я всё еще смотрела на терминал. Курсор мигал там, где было имя моего проекта. До чего же удобно: стереть работу, оставить человека — пусть пишет снова. Я потеряла кисть и перестала прятать ее под столом. Стыдиться следовало ему. Мне надо было найти способ сохранять результат там, куда его пальцы не дотянутся.

Он думал, что сломал меня. Но он забыл, что я из тех, кто умеет находить выход там, где стены кажутся монолитными. Тимофей дал мне инструмент. Марк дал мне врага. А я... я дам им обоим повод пожалеть о том дне, когда я переступила порог этой академии.

Глава 3

Лекционный зал пах свежей краской и чужим успехом. Я сидела на задней парте, вжимаясь в спинку стула, как будто хотела стать частью стены. Ручка в моей руке скрипела так, что, казалось, слышно каждому. Но никто не смотрел на меня. Все смотрели на Киру.

Она сидела в первом ряду, идеально прямая спина, безупречная укладка. Когда преподаватель этики ИИ закончил слайд о «социальной ответственности разработчика», Кира подняла руку. Её жест был плавным, театральным.

— Профессор, — её голос звенел, как хрусталь, разбивающийся об асфальт. — А насколько этично использовать наработки человека, которого официально признали плагиатором? Если код написан украденными руками, можно ли вообще называть его результатом интеллектуального труда? Или это просто... мусор?

Тишина повисла густая, вязкая. Я почувствовала, как по спине пробежал холодный пот. Не от страха перед словами, а от того, как легко они ложатся на почву слухов, которые она уже распустила. «Алиса спит с преподавателями ради места.» «Алиса украла дрон.»

Я стиснула ручку до побелевших костяшек. Сила в пальцах была такой, что суставы заныли. Молчи, Алиса. Молчи, как могила. Если ты заговоришь, если хоть один мускул дернется, они решат, что ты виновата. Твоё достоинство здесь стоит ноль. Они примут моё молчание за признание вины. Но любое оправдание тоже вывернут против меня.

Преподаватель замаялся, посмотрел на меня, потом на Киру.

— Вопрос риторический, Волкова. Давайте вернёмся к протоколам безопасности данных.

Кира дождалась, пока преподаватель отвернется к слайду, и посмотрела прямо на меня. Слева зашептались. Я перестала разбирать слова, зато слышала каждый смешок. Ручка скользнула по тетради и оставила длинную черту поперек конспекта. Я прикрыла ее ладонью: хоть это они не увидят.

Лекция после перерыва тянулась бесконечно. Я записывала, не записывая: слова преподавателя смешивались со шепотом слева, а под глазами плыло. Когда наконец прозвенел звонок, я первой выскользнула в коридор и пошла вниз, к столовой — после такого утра хотелось хотя бы горячего.

В столовой было душно. Воздух стоял колом, пропах жареным маслом и потом. Я подошла к раздаче, голод скручивал желудок тугим узлом. Две недели на одних бутербродах и кофе из автомата выжали из меня все соки.

Официантка, женщина с тяжёлым подбородком и узкими, прищуренными глазами, даже не посмотрела на мою карточку студента. Она просто закрыла витрину со вторыми блюдами.

— Меню для всех одинаковое, — сказала я тихо, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Женщина фыркнула, отвернулась и начала протирать стол, хотя тот был чистым.

— Для тех, кто крадёт интеллектуальную собственность, меню другое. Тут едят те, кто заслужил. Ты, девочка, пока не заслужила. Иди домой или найди другой способ прокормиться.

Голос сорвался. Хотелось кричать, топтать ногами этот кафельный пол, требовать справедливости. Но вместо этого я медленно, с преувеличенным спокойствием, достала из сумки ланч-бокс. Вчерашний рис. Холодный, сухой, с комками. Я села за самый дальний столик у окна, где сквозило. Каждый кусок приходилось жевать насильно, заедая водой из бутылки. Я доела рис, хотя на последних ложках пришлось придерживать комок языком и запивать. Выбросить его — значит снова остаться голодной к вечеру. За стеклом витрины стояли горячие котлеты. Обычные котлеты, за которые у меня были деньги. Я не смотрела туда, пока закручивала крышку бутылки.

Я закрутила крышку бутылки, убрала её в сумку вместе с пустым ланч-боксом и вышла из столовой. Поток студентов уже нёсся по коридору к лабораторному корпусу; я влилась в него, прикидывая по часам, успею ли к практикуму.

На практикум мне оставалось пятнадцать минут. Лифты были заняты золотой молодёжью академии, той, что ездит только на «экспрессе» до верхних этажей лабораторного корпуса. Я толкнулась плечом в поток людей, стремясь к служебному выходу.

Три девушки из группы Киры блокировали проход. Они не дрались, не кричали. Они просто стояли плотной стеной, смеясь над какой-то шуткой одного из парней.

— Извините, — я попыталась проскользнуть сбоку.

— Ой, простите! — одна из них, блондинка с длинными ногтями, сделала шаг назад, якобы пропуская меня, и случайно («случайно») качнула стаканом бумажного кофе.

Бурая жидкость плеснула мне прямо на белую рубашку и рукава куртки. Горячая, липкая, унижительная. Запах дешёвого напитка ударил в нос.

— Неловко вышло, мыш, — хихикнула блондинка.

Я замерла. Капли стекали по запястьям, проникая под ткань. Люди вокруг замедлились, некоторые доставали телефоны. Телефоны поворачивались вслед за мной. Им мало было облить меня — хотелось сохранить, как я вытираюсь.

Чья-то рука протянула мне салфетку. Я не успела увидеть лица, просто схватила бумагу и вытерла лицо, руки, грудь. Кофе въедался в ткань, оставляя рыжие пятна.

— Спасибо, — прошептала я человеку, который помог. Он уже растворился в толпе.

Лифт ушёл вверх. Двери закрылись перед моим носом. Пять этажей. По лестнице. В мокрых кроссовках, скользивших на каждой ступеньке. Колени горели огнём к третьему этажу. Пот заливал глаза. Я бежала, задыхаясь, чувствуя себя загнанной собакой. Опоздание на практикум означало автоматический минус баллы. Минус баллы означали риск отчисления. Буллинг превращался в профессиональную угрозу.

На площадке пятого этажа я на секунду прижалась спиной к холодной стене, сглотнула ртом душный воздух и толкнула дверь лестничной клетки.

Дверь лаборатории открылась ровно в тот момент, когда я, вся мокрая от пота и кофе, влетела внутрь.

Марк стоял у панели управления, спиной ко мне. Его силуэт был неподвижным, как скала. Он обернулся, и его взгляд скользнул по моему лицу, по пятнам на рубашке, по вздымающейся груди. Никакого сострадания. Только оценка ущерба.

— Задержка три минуты, — сказал он сухо. Его голос был низким, бархатным и опасным. — Объясни причину.

— Меня облили, — выпалила я, пытаюсь восстановить дыхание. — Кира и её...

— Мне не интересны твои социальные конфликты, — перебил он, не повышая тона. — Мне интересен результат. В следующий раз используй пожарный выход или научись ходить быстрее. Твой модуль навигации готов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.